

УДК 821.161.1-1 (091)

ЦИКЛ И. ЖУКА «МАСТЕР И МАРГАРИТА» В КОНТЕКСТЕ БУЛГАКОВСКОЙ ТРАДИЦИИ

М. Н. Капрусова

Борисоглебский филиал Воронежского государственного университета
кафедра литературы и методики ее преподавания

В статье рассматривается вопрос о специфике функционирования «чужого» слова в поэзии. Статья посвящена влиянию романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и «булгаковского мифа» на современную русскую поэзию (булгаковская традиция в цикле И. Жука «Мастер и Маргарита»).

Ключевые слова: *современная русская поэзия, влияние, «булгаковский миф», булгаковская традиция, аллюзия, текст, цикл*

Влияние романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» на произведения современной литературы может проявляться через взаимодействие собственно с текстом романа или же посредством влияния на современную литературу «булгаковского мифа» [10]. Мы считаем, что одна из наиболее часто встречающихся составляющих «булгаковского мифа» – это отражение читательского отношения (реализованного в устных или письменных высказываниях и поведении) к описанному в романе как к чему-то, действительно случившемуся и могущему повториться с каждым, хотя бы в каких-то своих аспектах: вера в новое явление Воланда или Коровьева и встречу с ними; вера во встречу со своим Мастером (Маргаритой) или даже восприятие себя кем-то из героев.

Целью нашей статьи будет рассмотрение триптиха Игоря Жука «Мастер и Маргарита», представленного в рамках форума «ПроСти» [8], в контексте булгаковской традиции. И. Жук относится к представителям «звучащей» (песенной) [4, с. 6]. Жанр большинства своих произведений (в том числе рассматриваемого нами цикла) сам автор определяет как классическую авторскую песню [6, с. 7]. При этом анализируемые нами стихотворения И. Жука принадлежат к сетевой литературе. В широком смысле термин *сетевая литература* означает любые художественные произведения, размещенные в Интернете [11]. Однако «признаками собственно сетевой формы литературы являются: нелинейность; динамичность; многоавторство» [9]. Триптих И. Жука мы обнаружили на сайте «Поэзия в голосе – авторская и актерская декламация» [6] и форуме «ПроСти» [8]. Можно предположить, что на форум цикл выложил не сам автор, а человек, который, возможно, записал песни на концерте, а затем расшифровал запись. Отсюда, в частности, наличие немногочисленных орфографических ошибок. В этих двух вариантах текстов встречаются расхождения в знаках препинания (в «Поэзия в голосе» запятые в некоторых конструкциях заменены на тире). Главное же различие заключается в наличии вариантов строк 8, 11, 12 первого стихотворения. И, на наш взгляд, в варианте, выложенном на форуме, эти строки выразительнее. Объяснений явления может быть два: либо в пространстве интернета присутствуют варианты самого И. Жука, либо человек, выложивший текст на форум, стал соавтором, «поправив» автора. Тогда перед нами пример «сетевой» литературы и в широком, и в узком смысле. Поскольку, на наш взгляд, выразительнее вариант, выложенный на форуме, с ним мы и будем работать.

Первое стихотворение триптиха имеет кольцевую композицию: полноправным героем стихотворения является город, с этого образа начинается стихотворение, им же и заканчивается. «На улицы ладонь легла монетка чуда, // Стал город богачем, о том не зная сам. // Ответь же хоть свечой, дворец ты мой, лачуга, // На каменных столбах держащий небеса» [8] (Здесь и далее мы сохраняем написание текста, выложенного на форуме, – **М. К.**). Одна из интерпретаций: кто-то, скорее всего мастер, явившийся вновь в наш мир, подбросил монетку, желая сыграть в игру «орел – решка». Монета упала, как желалось, и чудо началось. А может быть, все и иначе, жестче: монетка, преодолев время и пространство, прилетела с площади древнего Ершалаима после объявления Пилатом решения о судьбе осужденных: «Он (Пилат – **М. К.**) знал, что теперь у него за спиной на помост градом летят бронзовые монеты <...>» [2, с. 42]. В любом случае уже первая строка отсылает нас к «булгаковскому мифу»: история, рассказанная Булгаковым, повторяется.

«Необъятное сборище дворцов, гигантских домов и маленьких, обреченных на слом лачуг» – это то, что увидел Воланд, находясь «высоко над городом на каменной террасе одного из самых красивых зданий в Москве» [2, с. 348–349]. Мастер в стихотворении И. Жука повторяет слова повелителя теней. В приведенной булгаковской цитате нет только одного образа – образа свечи. Можно предположить, что свеча у И. Жука, как и у М. Булгакова, – символ творчества. Во-первых, вспоминаются напутственные слова Воланда «трижды романтическому мастеру»: «Неужели же вам не будет приятно писать при свечах гусиным пером» [2, с. 371]. Во-вторых, сам писатель любил работать при свечах [12, с. 458].

Мастер вглядывается в знакомый когда-то город, пытается понять, живут ли в нем сейчас свобода и творчество. Город изображается в русле мифологической традиции как мир и дом. Известно, что «Индра утверждает небо на столбах» [1, с. 207]. «Мир по типу дома может быть кубическим, как у семитов. Опоры находятся в центре мира или по четырем его углам» [1, с. 207]. У части народов небо представляется шатром, палаткой, ковром [1, с. 207]. Заметим, что, хотя приведенная цитата относится к Москве, дворец, «на каменных столбах держащий небеса», напоминает нам и дворец Ирода Великого и храм Ершалаима [2, с. 19, 29, 290, 371].

В стихотворении бережно используются образы из «Мастера и Маргариты»: «В сиреневый дурман капель роняет слезы, // Внезапная весна окутала кусты, // И всплеск внезапных глаз, и желтый взгляд мимозы: // Ах, нравятся ли Вам такие вот цветы?». И позже: «...Сирень уже ушла, но кровью пахнут розы, // И капли лепестков ложатся на слова» [8]. Перед нами ключевые сцены романа: встреча Мастера и Маргариты, описание их любви и выход мастера, благословленного Маргаритой, со своим творением к людям, приведший к трагедии. Однако здесь налицо не простое следование булгаковской традиции. И. Жук изменяет классический диалог героев.

Мы разобьем стихотворные строчки на реплики. Маргарита: «Ах, нравятся ли Вам такие вот цветы?» Мастер: «Ах, дело не в цветах...». Маргарита: «– Да-да, а в чем же дело?» [8]. Перед нами не совсем герои романа Булгакова. Можно предположить, что, по мнению автора стихотворения, Мастер и Маргарита существовали в своем «вечном доме», но иногда им было дано возвращаться на землю и вновь проживать какие-то мгновения (намек на это дан в эпилоге «Мастера и Маргариты» [2, с. 380–384]). Теперь Мастер, уже все познавший, переживая дежавю, сразу понимает, что дело не в цветах и даже не только в их с Маргаритой

судьбоносной встрече: «Огонь моей свечи колеблют голоса, // Они сквозь бездну дней летят в мой терем белый» [8]. Огонь свечи Мастера в его «вечном доме» («тереме белом») колеблют голоса современных мастеров и Маргарит, которые проходят свои испытания. К несчастью, все повторяется: шепчет «судьба внезапные угрозы» [8], «Воронье все также чистит перья» [8], «И тот же хриплый крик летит из тысяч горл» [8]. Вслед за М. Булгаковым И. Жук выстраивает свое стихотворение как переплетение пространств, в которых живут Иешуа, Мастер, Пилат, Иуда, бездари, фарисеи, толпа. «Капли лепестков» розы вновь ложатся на произведения и судьбы творцов. «Воронье» – это и массолитовцы, которых интересуют только дачи и квартиры, псевдописатели, готовые заклевать любого, непохожего на них, и современные «деятели искусства», занимающиеся не творчеством, а пиаром. Все они ничем не лучше тех, кто собрался на площади в Ершалаиме, ожидая зрелища [2, с. 40–42] («И тот же хриплый крик летит из тысяч горл» [8]). Последние две строки четверостишия, как и в романе Булгакова, соединяют времена и пространства, древность, прошлое и современность: «Все так же на земле жиреют подмастерья, // А Мастера ведут в двойном кольце когорт» [8]. Вот только первое видно всем, а второе в XX – XXI веках является в преображенном виде и может выглядеть вполне прилично, как изображено это в стихотворениях В. С. Высоцкого «Мой черный человек в костюме сером...» или «...Когда я об стену разбил лицо и члены...». Заметим, что некоторые «сетевые» авторы, посвящающие стихотворения М. Булгакову, позволяют себе отсылки к произведениям, например, Б. Л. Пастернака, О. Э. Мандельштама, М. И. Цветаевой и др. художников, каждый из которых пережил свою трагедию – плату за мастерство [10, с. 580]. По нашему мнению, по этому принципу построено и анализируемое нами стихотворение.

«... И нет других путей, дорога перекрыта. // Стал город палачом о том не зная сам. // Я зря зажег свечу: ты видишь, Маргарита, // На каменных столбах сгорели небеса...» [8]. Первые две строки отсылают читателя к главе 2 романа «Мастер и Маргарита» «Понтий Пилат» и к главе 16 «Казнь». Преступление города и его жителей заключается в равнодушии и духовной глухоте: «Никто не сделал попытки отбивать осужденных ни в самом Ершалаиме, наводненном войсками, ни здесь, на оцепленном холме, и толпа вернулась в город, ибо, действительно, ровно ничего интересного не было в этой казни, а там в городе уже шли приготовления к наступающему вечером великому празднику Пасхи» [2, с. 169]. Но следует учитывать, что стихотворение имеет несколько планов: в нем действуют Иешуа, автор романа о Понтии Пилате и современный (точнее вневременной) мастер, который рассказывает вечную историю о глумлении над пророками. Это его (вечного мастера) ведут на духовную казнь по Москве, так странно похожей на Ершалаим. Близость и связь этих двух городов у Булгакова давно отмечена исследователями [5, с. 43–44].

Пожар – один из ключевых образов романа «Мастер и Маргарита» [5, с. 49–56]. Но у Булгакова город не гибнет, он только прячется: Маргарите кажется, что он «ушел в землю и оставил по себе только туман» [2, с. 367].

Первое стихотворение триптиха И. Жука заканчивается так: «Я зря зажег свечу: ты видишь, Маргарита, // На каменных столбах сгорели небеса...» [8]. Как мы уже говорили, свеча символизирует здесь творчество. Вернувшись в земной мир, Мастер продолжает свою книгу, как ему и предлагал Воланд [2, с. 284]. Но и во второе явление Мастера на землю все повторяется, уроки не вынесены, зло в

человеческих душах продолжает торжествовать, и случается страшное – небесный покров над Россией сгорает, она лишается защиты.

Второе стихотворение написано от имени Маргариты, но не булгаковской: в ней осталось мало милосердия. Жестоко звучат произнесенные ею слова: «Пусть все, что сгорело в огне, // Для тех, кто потух, умирает! // Ты видишь, вечерний петух догорает // В кровавом окне! // Но мы то с тобой за окном, // Нам стены уже не преграда! // Не думай о стенах – им серость отрада – // Займемся, мой Мастер, огнем!» [8].

Третье стихотворение посвящено городу и прощанию с ним героев. Заметим, что в цикле ни разу не прозвучало название города: «И мы полетели над городом этим унылым...» [8]. Так это было и в «Белой гвардии», где Киев не назван, но вполне узнаваем. Здесь перед нами Москва, величественная, но построенная на крови рабов и мастеров. Читатель не знает, кто такой «он»: «Был взор его мрачен, и странною грустью окрашен. // И вещая сила огнем растекалась по жилам...» [8]. Из контекста вытекает, что это Маргарита описывает нам преображенного полетом Мастера. Герои летят: «Над ложным величьем рабами воздвигнутых башен... // Над мнимой славой довольных собою холопов, // Над темными чашами двинувших в рост пьедесталов...» [8]. Мы не знаем, где точно пролетают Мастер и Маргарита, но можем предположить, что это Красная площадь, на которой увековечена память палачей и их жертв, или Новодевичье кладбище, или сталинские высотки, или ВДНХ. И. Жук передает здесь состояние интеллигента, старающегося бежать от тех морей крови, которые были пролиты во все века во времена смут и бунтов, цареубийств, казней и расстрелов, революций, гражданской войны и сталинщины, и одновременно восхищающегося величием Москвы: «И лошади наши, хрипя, норовили галопом, // И прошлое, тихо скуля, все за полы хватало...» [8].

Очевидно, что герои стихотворения летят в свой «терем белый», в «вечный дом». Однако заметим, что автор стихотворения здесь не повторяет булгаковскую концепцию: Мастер Булгакова задумчив, погружен в себя и покорен. Прошлое больше не интересует его. «– Ну что же, – обратился к нему Воланд с высоты своего коня, – все счета оплачены? Прощание совершилось? – Да, совершилось, – ответил Мастер и, успокоившись, поглядел в лицо Воланду прямо и смело» [2, с. 366]. Мастер И. Жука сродни героям стихотворений В. Высоцкого «Песня о новом времени» и «Пожары»: «Пел ветер все печальнее и глуше, // Навылет Время ранено, досталось и Судьбе. // Ветра и кони – и тела и души // Убитых – выносили на себе» [3, с. 566]. Ему больно за произошедшее и происходящее.

Вернемся к строкам И. Жука: «Но, Господи, Боже! Ведь эти истлевшие нити // Рассыпались сами от ветра, мы с прошлым не рвали! // И коль уж за нас заступается Дьявол-хранитель, // То ангелы в мир этот скоро вернутся едва ли...» [8]. Эти строки отсылают читателя к словам Пилата о жизни Иешуа, которая «висит на волоске», и к ответной реплике Иешуа: «Не думаешь ли ты, что ты ее подвесил, игемон?» [2, с. 28] «Истлевшие нити» между человеком и Богом – трагедия XX века. Сочетание слов «Дьявол-хранитель», да и написание слова с прописной буквы может восприниматься кощунством, богохульством. Но дело в том, что большинство читателей и многие исследователи не воспринимают Воланда библейским дьяволом-искусителем, но воплощением справедливости, а Л. М. Яновская даже сказала однажды Е. С. Булгаковой: «Да ведь Булгаков – не мастер, Булгаков – Воланд», – и вдова Булгакова ее не опровергла [12, с. 49, 456–461].

Кончается стихотворение горькой иронией автора: «А лунной тропой, проплывающей мимо покоя, // Дымящейся, зыбкой, крутой, как предутренний кофе, // Идут, поглощенные вечной беседой двое, // И плотники что-то опять мастертят на Голгофе...» [8]. Ни автор, ни его лирический герой уже не верят в то, что «все будет правильно, на этом построен мир» [2, с. 370]. У Булгакова потустороннее общение Иешуа и Понтия Пилата сопровождается торжеством энергии луны: «И лишь только прокуратор потерял связь с тем, что было вокруг него в действительности, он немедленно тронулся по светящейся дороге и пошел по ней вверх, прямо к луне» [2, с. 309]; «Тогда лунный путь вскипает, из него начинает хлестать лунная река и разливается во все стороны» [2, с. 383]. Теперь же, в триптихе И. Жука, в современном мире даже лунная дорога похожа на дымок остывающего утреннего кофе (невинное удовольствие, доступное каждому ежедневно). Столь же привычным и никого не волнующим стало распятие мастеров.

Булгаковская традиция в триптихе И. Жука реализуется посредством прямой цитации, аллюзии, обращения к «булгаковскому мифу».

Список литературы

1. Брагинская Н. В. Небо // Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. М.: Науч. изд-во «Большая Российская энциклопедия», 2000. Т. 2. С. 206–208.
2. Булгаков М. А. Собрание сочинений: В 5 т. М.: Худож. лит., 1992. Т. 5. 734 с.
3. Высоцкий В. С. Сочинения: В 2 т. М.: Худож. лит., 1993. Т. 1. 639 с.
4. Гавриков В. А. «Убежать от филологии»: проблема литературоведческого инструментария к синтетическому тексту // Русская рок-поэзия: текст и контекст: сб. статей. Вып. 11. Екатеринбург, Тверь, 2010. С. 6–14.
5. Гаспаров Б. М. Литературные лейтмотивы: Очерки по русской литературе XX века. М.: Наука, 1993. 304 с.
6. Жук Игорь // Поэзия в голосе – авторская и актерская декламация [Электронный ресурс]. URL: http://www.stihophone.ru/users.php?user=i_zhuk. (Дата обращения 21.04.2012).
7. Жук Игорь Теодорович [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bards.ru/archives/author.php?id=129>. (Дата обращения 21.04.2012).
8. Жук И. Мастер и Маргарита [Электронный ресурс] // ФОРУМ «ПроСти». URL: <http://www.coolfold.com/phorum/read.php?fid=4&tid=5024>. (Дата обращения 21.04.2012).
9. Зубченко И. Литература и сетература в Рулинете [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ub.uit.no/munin/bitstream/handle/10037/3292/article.pdf?sequence=1> (Дата обращения 7.09.2011).
10. Капрусова М. Н. «Булгаковский миф» в современной русской «звучащей» и сетевой поэзии // Michail Bulhakow, jego czasy i my = Михаил Булгаков, его время и мы. Краков: Изд-во "Scriptum", 2012. С. 575–588.
11. Корнев С. Сетевая литература и завершение постмодерна [Электронный ресурс]. URL: http://kornev.chat.ru/net_lit.htm. (Дата обращения 7.09.2011).
12. Яновская Л. М. Последняя книга, или Треугольник Воланда. М.: ПРОЗАиК, 2013. 752 с.

**CYCLE OF I. ZHUK "MASTER AND MARGARET" IN THE CONTEXT
OF BULGAKOV'S TRADITION**

M. N. Kaprusova

Voronezh State University

The department of literature and methods of teaching

The article deals with the problem of "alien" word in poetry. The article is devoted to the influence of Bulgakov's novel "Master and Margaret" and "Bulgakov's myth" on modern Russian Poetry (Bulgakov's tradition in the cycle of I. Zhuk "Master and Margaret").

Key words: *modern Russian Poetry, influence, "Bulgakov's myth", Bulgakov's tradition, allusion, text, cycle*

Об авторе:

КАПРУСОВА Марина Николаевна – доцент, кандидат филологических наук, зав. кафедрой литературы и методики ее преподавания Борисоглебского филиала ФГБОУ ВПО «Воронежский государственный университет» (397160, г. Борисоглебск, Воронежская область, ул. Народная, д.43), e-mail: kaprusova@mail.ru